

САРА ДЕССЕН

САРА ДЕССЕН

**ЛУНА
В КАРМАНЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д37

Серия «Настоящая сенсация!»

Sarah Dessen

KEEPING THE MOON

Перевод с английского *Е. Сыромятниковой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
Viking Children's Books, a division of Penguin Young Readers Group,
a member of Penguin Group (USA) Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Дессен, Сара.

Д37 Луна в кармане : [роман] / Сара Дессен; [пер.
с англ. Е. Сыромятниковой]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2017. — 256 с. — (Настоящая сенсация!).

ISBN 978-5-17-101732-3

У юной Коули нет друзей, над ней издеваются одно-
классники, она вечно одинока, не уверена в себе и искренне
считает, что недостойна дружбы. Когда ее мать, фитнес-гуру,
уезжает в турне по Европе, а ее отправляет в маленький при-
морский городок к эксцентричной тете Мире, Коули думает,
что это будет худшее лето в ее жизни. Но знакомство в малень-
ком кафе с Морган и Изабель все меняет. Эти девушки помо-
гают Коули взглянуть на себя с новой стороны и поверить, что
каждый человек заслуживает любви и внимания...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Sarah Dessen, 1999
© Перевод. Е. Сыромятникова, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017
ISBN 978-5-17-101732-3

Глава 1

Меня зовут Николь Спаркс. Добро пожаловать: мы с вами на пороге худшего лета в моей жизни!

— Коули, — вздохнула мама, двигаясь ко мне по перрону. Она была в спортивном костюме из ее линейки «Флай Кики» — фиолетовом, делавшем ее похожей на большую блестящую виноградину. В дверях вокзала ее личная помощница многозначительно посмотрела на часы. — Пожалуйста, не сгущай краски!

Я выдавила искусственную улыбку, крепче обхватив себя руками.

— Ну вот, так еще хуже, — промолвила мама. — С таким цветом волос и этой штуковиной в губе ты кошмарно смотришься, даже когда улыбаешься.

Она подошла ближе, подошвы ее кроссовок издавали на асфальте мышинный писк. Новенькие, с иголочки, как и весь ее гардероб.

— Дорогая, ты же знаешь, что так будет лучше. Не оставаться же тебе одной в доме на все лето. Ты затоскуешь.

— У меня есть друзья, мама, — напомнила я.
Мама с сомнением склонила голову.

— Ох, дорогая, — повторила она. — Так будет лучше.

«Для тебя», — подумала я. Такова моя мама — у нее всегда самые благие намерения. Обычно ими дело и ограничивается.

— Кики, — произнесла помощница, чье имя я не удосужилась запомнить — когда вернусь, ее уже не будет. Наверное, получит расчет еще до того, как они доберутся до аэропорта. — Нам пора, иначе опоздаем на самолет.

— Ну хорошо, хорошо. — Положив руки на бедра, мама приняла свою классическую позу «аэробика от Кики Спаркс» и оглядела меня с ног до головы. — Продолжай упражнения! Было бы обидно снова набрать вес.

— Хорошо.

— И следи за своим питанием. Помнишь, я упаковала тебе всю линию Кики — так что будет чем питаться у Миры.

— Да.

Она опустила руки, и на мгновение я снова увидела свою маму. Не Кики Спаркс, фитнес-гуру и личного тренера многих людей. Не Кики из ток-шоу, не Кики — ведущую телемагазина, не Кики, улыбающуюся с миллионов упаковок продуктов для похудения, разошедшихся по всему миру. Просто свою маму. Но поезд уже подошел к платформе.

— Ох, Коули! — Она притянула меня к себе и зарылась лицом в мои иссиня-черные волосы —

у нее едва не случился нервный срыв, когда утром я вышла к завтраку с новым цветом. — Пожалуйста, не сердись! Ладно?

Я тоже обняла ее, хотя и твердила себе, что не стану. Представляла, как буду стоять на вокзале молча, с каменным лицом, чтобы в летний фитнес-тур «Флай Кики в Европе» мама увезла с собой воспоминание о моем недовольном виде. Но в этом я была противоположностью мамы — у меня все ограничивалось лишь дурными намерениями.

— Я люблю тебя, — прошептала она, провожая меня до вагона.

«Тогда возьми меня с собой», — подумала я, но мама уже отстранилась и вытерла глаза. Я знала, что, если теперь произнесу эти слова, они принесут больше вреда, чем пользы.

— Я тоже тебя люблю, — сказала я.

Когда я устроилась на своем месте и выглянула в окно, ее фиолетовый силуэт виднелся у дверей станции. Помощница суетилась рядом. Мама помахала мне, и я помахала в ответ, хотя в горле у меня уже стоял ком. Затем засунула в уши наушники, включила музыку на полную мощность и закрыла глаза. Поезд тронулся.

Так было не всегда. В моем самом раннем воспоминании мне пять лет, и я в белых туфельках сижу на переднем сиденье нашего старенького универсала «Плимут Воларе» перед магазином «Севен-элевен». Страшная жара, мама идет ко мне, в руках у нее два литровых стакана содовой,

пачка чипсов и коробка кексов «Твинкис». Она в красных ковбойских сапогах и короткой юбке — несмотря на то что это воспоминание относится к периоду, который мы называем «жирные годы». Даже когда мама страдала ожирением и порой ее вес доходил почти до ста пятидесяти килограммов, это не мешало ей слепо следовать моде.

Она открывает дверцу и забрасывает добычу в салон, пачка чипсов соскальзывает с моих колен и падает на пол.

— Двигайся, — говорит мама, втискивая свои обширные формы рядом со мной. — До Техаса еще полдня.

Все остальные воспоминания из моего раннего детства — это автомагистраль и несущиеся мне навстречу пейзажи: сухая и плоская пустыня, высокие сосны, ветреные прибрежные дороги в обрамлении дюн. Менялось почти все, но было и кое-что постоянное. Мы с мамой — толстые. Расстояния между остановками были небольшими. И мы всегда находились вместе, вдвоем против целого мира. Наша последняя остановка случилась три года назад: город Шарлотта в Северной Каролине. Никогда я не училась так долго в одной и той же школе. Именно тогда моя мама превратилась в Кики Спаркс.

Раньше она была Катариной — женщиной без аттестата о среднем образовании, но со множеством маленьких талантов. Мама заправляла машины, продавала по телефону места на кладбище, распространяла косметику «Мэри Кей», даже организовывала встречи в эскорт-агентстве. Что

угодно — лишь бы у нас были деньги на еду и на бензин, если ей снова придет в голову сорваться с места. Но через несколько дней в Шарлотте мама попыталась устроиться на работу в прачечной, ее не приняли, и от возмущения она резко сдала назад на парковке и въехала в «Кадиллак». У нас не было ни цента, и она договорилась с хозяйкой автомобиля — управляющей спортзала «Леди Фитнес», — что будет бесплатно работать на нее, пока не возместит ущерб. Сначала мама мыла тренажеры и отвечала на телефонные звонки, но за несколько недель так понравилась управляющей, что получила полноценную работу и бесплатное членство в клубе. Еще на прошлой неделе мы довольствовались супом из кетчупа и лапшой быстрого приготовления и спали на заднем сиденье машины. Теперь же у нас появились стабильный источник дохода и приличная квартира. Тогда, в «жирные годы», все разрешалось в последний момент.

Всю жизнь мама пыталась сбросить вес. В «Леди Фитнес» у нее начало получаться. Она обожала танцевать и просто влюбилась в аэробику, стараясь втиснуть в свое расписание все возможные занятия. Через неделю начала таскать на эти занятия и меня. Мне было неловко. Мама пылала энтузиазмом, ее голос гремел, заглушая остальные, и все сто тридцать шесть килограммов ее тела подпрыгивали, пристукивали, хлопали в ладоши и подпевали музыке.

Тренеры, однако, ее любили. Вскоре один из них начал помогать маме готовиться к получению

сертификата на ведение занятий. Успешно сдав экзамен, она стала самым тяжеловесным — и самым популярным — тренером за всю историю «Леди Фитнес». Мама включала самую лучшую музыку, знала поименно всех участников занятий и использовала рассказы о «жирных годах», чтобы подчеркнуть свою главную мысль: любой может добиться чего угодно, если задается целью.

Мы жили в Шарлотте уже два года, мама сбросила семьдесят килограммов, а я заодно с ней — двадцать. Катарина исчезла, вместе с пончиками и шоколадным молоком на завтрак, с нашими толстыми боками и двойными подбородками — и появилась Кики.

Она гордилась своим новым, сильным телом, но мне перемены дались тяжелее. Хотя меня и дразнили всю жизнь, мои жировые складки порождали во мне какое-то удивительное ощущение комфорта, и я радовалась тому, что на моей талии есть за что подержаться. Собственный вес будто окружал меня силовым полем, защищая при переходе из одной школы в другую, а долгими вечерами, пока мама была на работе, еда служила мне единственным утешением. Теперь, без этих двадцати килограммов, мне было не за чем спрятаться. Порой ночью в постели я ловила себя на том, как хватаюсь за кожу на талии, забывая, что подержаться больше не за что.

Мое тело изменилось, как я когда-то и хотела. Скулы заострились, появились мышцы и плоский живот, кожа стала чистой, как у мамы. Но чего-то не хватало — чего-то, что всегда нас отличало.

Я могла прокачать мышцы, но неуверенность в себе — не существовало для этого упражнений. И все же я продолжала заниматься спортом — аэробикой, бегом, силовыми тренировками, — подгоняемая эхом насмешек, которые слышала всю свою сознательную жизнь. «Толстозадая!» — еще десять выпадов, хотя ноги уже горят. «Жирдяйка!» — еще один повтор, штанга крепко зажата в кулаках, хотя боль становится невыносимой. «Громоляжки!» — еще один километр трусцой: если бежать достаточно быстро, в какой-то момент голоса наконец стихнут.

Мы с мамой стали новыми людьми: пропало даже сходство со старыми фотографиями. Иногда я представляла, что прежние толстые мы все еще разъезжаем где-то по стране, будто призраки с пачками чипсов в руках. Странное это было ощущение.

Тем временем на мамины занятия в «Леди Фитнес» приходило все больше людей, зал набивался под завязку желающих услышать ее советы. Вскоре местный телеканал предложил ей вести свое собственное утреннее шоу: «Проснись, и в бой». Я смотрела передачи перед занятиями в школе, сидя за кухонным столом с бутылкой обезжиренного йогурта и тарелкой орехово-виноградных энергетических мюсли.

«Меня зовут Кики Спаркс, — говорила мама в начале каждого выпуска под нарастающее крещендо на заднем плане. — Вы готовы поработать?» Скоро по всему городу звучали сотни, а потом и тысячи женских голосов, кричащих: «Да!»

Ее выход на уровень штата — а потом и страны — оставался вопросом времени. Женщина, которая привела маму в «Леди Фитнес», заложила свой дом, чтобы снять видеоролик «Флай Кики», который разошелся миллионным тиражом после того, как мама появилась на телемагазине и провела для ведущей пятиминутный «Супержиросжигатель». После этого все пошло как по обезжиренному маслу.

У нас появились дом с бассейном, кухарка, которая готовит нам обезжиренные обеды, а у меня — спальня с ванной и собственный телевизор. Осталась лишь одна проблема: мама теперь вечно занята распространением Кикимании по стране и за ее пределами. Впрочем, если я слишком соскучусь, то всегда могу попереключать каналы в поисках ее передачи: «Пара слов от Кики: все получится!» — и найти маму там. Но порой я все еще представляю, как мы разъезжаем на нашем стареньком автомобиле — я дремлю, положив голову маме на колени, а она громко подпевает радио. И я тоскую по бесконечной дороге перед нами, которая обещает новые возможности, ведет к новой школе, где я смогу начать все сначала.

Через пять часов поезд прибыл на станцию Колби. Единственным встречающим на платформе был какой-то шатен с волосами до плеч. Он был в футболке-варенке, обрезанных шортах цвета хаки и шлепанцах, на руке, как у какого-то хиппи, был примерно миллион браслетов с черепами, на носу — солнцезащитные очки в синей оправе.

В Колби сошла только я и теперь стояла на платформе и шурилась от бьющего в глаза солнца. Было очень жарко, хотя я знала, что где-то поблизости — океан.

— Николь? — произнес парень.

Я подняла голову и увидела, что он сделал несколько шагов в мою сторону. Его шорты покрывали пятна белой краски, и я была уверена, что если принохаюсь, то почувствую либо запах пачули, либо марихуаны. Решила не принохиваться.

— Коули, — поправила я.

— Ясно. — Он улыбнулся. Я не могла разглядеть выражение его глаз. — Мира прислала меня встретить тебя. Я — Норман.

Мира — моя тетья. Ей выпала сомнительная честь приютить меня на лето.

— Твое? — Норман показал на сумки, которые носильщик сложил горой на дальнем конце платформы.

Я кивнула, и он двинулся к ним медленной, ленивой походкой, которая уже начинала меня раздражать.

Меня захлестнула волна стыда, когда я увидела, что рядом с моими сумками выстроилась вся линейка товаров «От Кики». «Кики поп-мастер», коробка «Перекус Кики», дюжина новых мотивационных аудио- и видеокассет «Флай Кики», плюс несколько коробок витаминов и спортивных костюмов с изображением моей улыбающейся мамы.

— Ого! — воскликнул Норман и принялся вертеть в руках «Поп-мастер». — Это что такое?

— Это я возьму сама, — проговорила я, поспешно выхватывая «Поп-мастер» у него из рук.

Всю дорогу я представляла Колби как место загадочное, необычное: словно мрачный незнакомец, который не отвечает ни на чьи вопросы. Этот образ было труднее удержать в голове, волоча «Поп-мастер» перед единственным за последний год парнем, который не решил по умолчанию, что я — девица легкого поведения.

— Машина вон там, — сказал Норман, и я последовала за ним на пустую парковку, где стоял старенький «Форд».

Он положил мои вещи на заднее сиденье и придержал дверцу, чтобы я закинула внутрь «Поп-мастер», с лязгом приземлившись на пол. Теперь нужно было вернуться на платформу за остатками барахла от Кики.

— Как поездка? — поинтересовался Норман.

В салоне пахло прелыми листьями и было полно всякого мусора — только передние сиденья, судя по всему, недавно расчистили. На заднем прилегло четыре манекена, все безголовые. У одного не хватало руки, у второго — ладони, но все они сидели ровно в рядок, будто подготовившись к поездке.

— Отлично, — ответила я, гадая, что за чудака подослала ко мне Мира.

Я забралась в салон и с силой захлопнула дверцу, поймав свое отражение в зеркальце заднего обзора. В суете я забыла о своих волосах. Они были такими черными, что на секунду я себя не узнала. После непродолжительных уговоров со сторо-

ны Нормана машина тронулась, и мы выехали на пустой перекресток.

— Ну как? — поинтересовался Норман. — Больно было?

— Что?

— Это, — пояснил он, прикоснувшись к правому углу своей верхней губы. — Больно или нет?

Я провела языком по внутренней стороне губы, нащупав маленькое металлическое колечко.

— Нет.

— Ясно, — кивнул он. Зажегся зеленый свет, и мы поползли вперед. — А кажется, что было больно.

— Не было, — сухо промолвила я, чтобы у него не возникло соблазна снова заговорить.

Дальше мы ехали молча.

Машина у Нормана была очень странная. Помимо наших безголовых попутчиков, в ней находилось еще штук двадцать крошечных пластиковых животных, прилепленных к торпеде аккуратным рядком, а с зеркальца заднего обзора свисала здоровенная пара красных плюшевых игральные костей.

— Милая тачка, — пробормотала я себе под нос. Псих какой-то, не иначе.

— Спасибо! — радостно откликнулся Норман, протягивая руку, чтобы поправить красного жирафа у вентиляционного отверстия. Он явно принял мой комплимент за чистую монету. — Я над ней еще работаю.

Мы свернули на грунтовку и миновали несколько домов, за которыми мелькали отблески